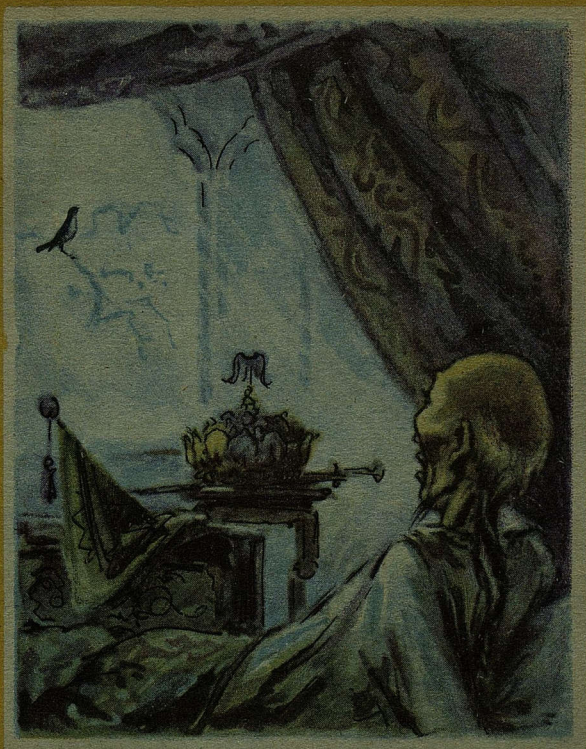

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Г. АНДЕРСЕН
СОЛОВЕЙ

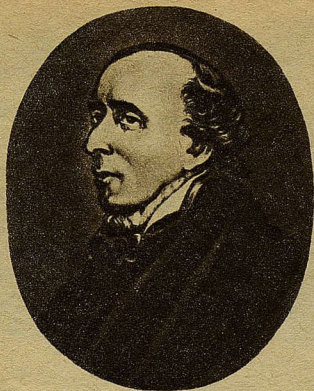
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1940

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

32493

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

A-65

Г. АНДЕРСЕН

СОЛОВЕЙ

ПЕРЕВОД М. ПОЛИЕВКТОВОЙ

Рисунки
А. МОГИЛЕВСКОГО

*Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи*
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Сообщите, понравилась ли вам эта книга. Напишите по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детиздат ЦК ВЛКСМ, Массовый сектор.

22493

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

693159 кх ред

Российская государственная
детская библиотека

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Н. Максимова*. Худож. редактор *П. Суворов*. Технич. редактор *М. Кутузова*. Корректоры *Н. Вальтер* и *Е. Вальтер*. Сдано в производство 13/IV 1940 г. Подписано к печати 31/X 1940 г. Детиздат № 2644. Индекс Д-6. Формат 65 × 93¹/₁₆. 1¹/₄ печ. л. (1 уч.-изд. л.). 31 200 зн. в печ. л. Тираж 150 000 экз. А25430. Заказ № 641.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

В случае обнаружения дефекта просим вернуть экземпляр для обмена по адресу: Москва 18, Сущевский вал, дом № 49, Фабрика детской книги. Телефон КБ-08-50.

В Китае, как ты знаешь, и сам император и все окружающие его — китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нем послушать, пока оно не забудется совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского: он весь был из тончайшего драгоценного фарфора, но такого хрупкого, что страшно было до него и дотронуться. В саду росли чудеснейшие цветы; к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики; звон их должен был обращать на цветы внимание каждого прохожего. Вот как тонко все было придумано в императорском саду!

Он тянулся так далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. Если ты шел дальше, ты попадал в прекрасный лес с высокими деревьями и глубокими озерами. Лес доходил до самого синего моря. Корабли проплывали под нависшими над водой ветвями.

В ветвях этих жил соловей, который пел так чудесно, что его заслушивался, забывая о своем неводе, даже бедный, удрученный заботами рыбак. «Господи, как хорошо!» вырывалось у рыбака, но потом бедняк опять

принимался за свое дело и забывал соловья, на следующую же ночь снова заслушивался его и снова повторял: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники. Все они дивились на дворец и на сад, но, услышав соловья, все говорили: «Вот это лучше всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всем виденном; ученые описывали столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже ставили его выше всего; а те, кто умел сочинять, слагали чудеснейшие стихи в честь соловья, жившего в лесу, у синего моря.

Книги расходились по всему свету, и некоторые из них дошли и до самого императора. Он восседал на своем золотом кресле, читал, читал и поминутно кивал головою: ему очень приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. «Но соловей лучше всего!» стояло в книге.

— Что такое? — сказал император. — Соловей? А я ведь и не знаю его! Как? В моем государстве, и даже в моем собственном саду, живет такая птица, а я о ней и не слыхал! Пришлось узнать о ней из книги!

И он позвал к себе первого из своих приближенных, который был так важен, что если кто-нибудь из людей, ниже его стоящих, осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, отвечал только: «Пф!», а это ведь ровно ничего не означает.

— Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, которая называется соловей. Ее считают первую достопримечательностью моего государства, — сказал император. — Почему же мне ни разу не доложили о ней?

— Я даже и не слыхал о ней! — отвечал первый приближенный. — Она никогда не была представлена ко двору!

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела передо мною сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю!

— И не слыхивал о такой птице! — повторил первый приближенный. — Но я буду искать и найду ее.

Легко сказать! А где ее найдешь?

Первый приближенный императора бегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из встречных, к кому он ни обращался с расспросами, ничего не слыхал о соловье.

Первый приближенный вернулся к императору и доложил, что соловья, верно, выдумали книжные сочинители.

— Ваше величество не должны верить всему, что пишут в книгах: все это одни выдумки, так сказать, черная магия!

— Но ведь эта книга прислана мне самим могущественнейшим повелителем Японии, и в ней не может быть неправды! Я хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером! Я объявляю ему мое высочайшее благоволение! Если же его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина надавать всем придворным палочных ударов по животу!

— Тзинг-пе, — сказал первый приближенный и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам; с ним бегала и добрая половина придворных — никому не хотелось отведать палок.

У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знал весь свет, но ни одна душа при дворе?

Наконец на кухне нашли одну бедненькую девочку, которая сказала:

— Господи, как не знать соловья! Вот уж поет-то! Мне позволили относить по вечерам моей бедной больной матери остатки от обеда. Живет мать у самого моря. И вот, когда я иду назад и сажусь отдохнуть в лесу, я каждый раз слышу пение соловья. Глаза мои наполняются слезами, а на душе так радостно, словно мать целует меня!..

— Кухарочка! — сказал первый приближенный императора. — Я определяю тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе позволение посмотреть, как

кушает император, если ты сведешь нас к соловью. Он приглашен сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес, где обыкновенно пел соловей. Отправилась туда чуть не половина всех придворных. Шли, шли; вдруг замычала корова.

— О! — сказали молодые придворные. — Вот он! Какая, однако, сила! И это у такого маленького создания! Но мы положительно слышали его раньше!

— Это мычит корова, — сказала девочка. — Нам еще далеко до места.

В пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Теперь я слышу! Точь-в-точь наши колокольчики в молельне.

— Нет, это лягушки! — сказала опять девочка. — Но теперь, я думаю, скоро услышим и его.

И вот запел соловей.

— Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — и она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую в ветвях.

— Неужели? — сказал первый приближенный императора. — Никак не воображал себе его таким! Самая простая наружность! Верно, он потерял все свои краски при виде стольких знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милостивый император желает послушать тебя!

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Словно стеклянные колокольчики звенят! — сказал первый приближенный. — Глядите, как работает это маленькое горлышко! Удивительно, что мы ни разу не слышали его раньше! Он будет иметь большой успех при дворе.

— Спеть ли мне императору еще? — спросил соловей: он думал, что тут был и сам император.

— Несравненный соловушка! — сказал первый приближенный императора. — На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Вот это соловей! — сказала девочка.

— Пение мое гораздо лучше слушать в зеленом лесу, — сказал соловей. — Но я охотно отправлюсь с вами, если так угодно императору.

При дворе шли приготовления к празднику. В фарфоровых стенах и в стеклянном полу сияли отражения сотен тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены чудеснейшие цветы с колокольчиками, которые от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса.

Посреди огромного зала, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были в полном сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке — теперь ведь она получила звание лейб-поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И соловей запел так дивно, что у императора выступили на глазах слезы и покатались по щекам. Тогда соловей залился еще громче, еще слаще; пение его так и хватало за сердце. Император был очень доволен и сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался, говоря, что довольно награжден и без того:

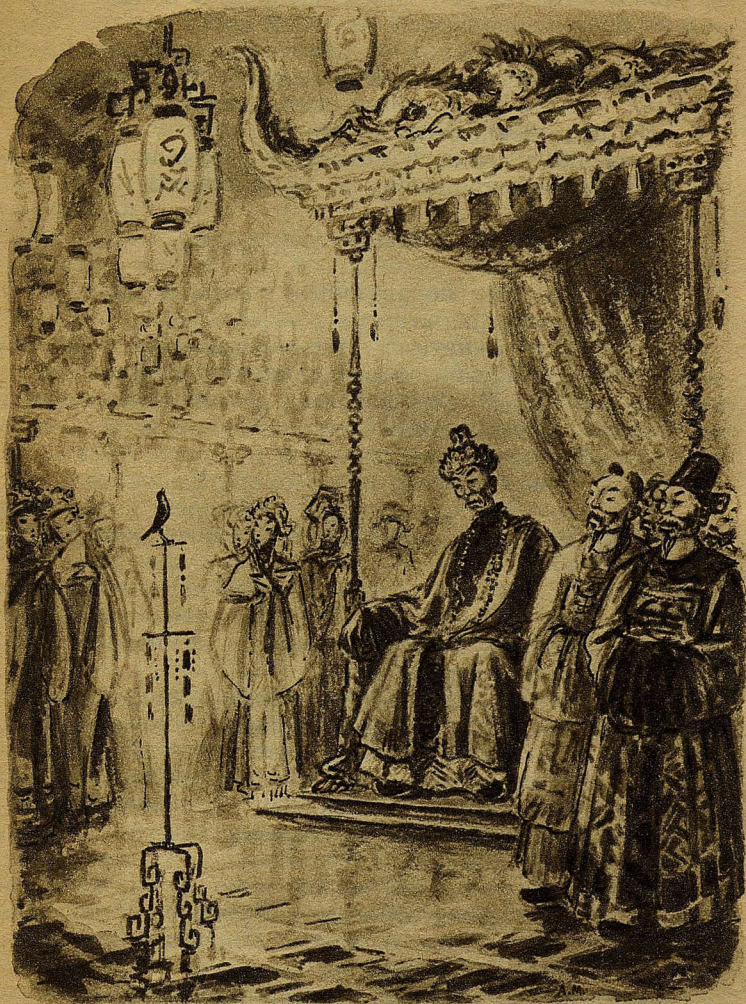
— Я видел на глазах императора слезы — какой еще награды желать мне! Я награжден с избытком!

И опять зазвучал его чудный, сладкий голос.

— Вот самое очаровательное кокетство! — сказали придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они будут с кем-нибудь разговаривать. Этим они думали походить на соловья.

Даже лакеи и горничные объявили, что очень довольны, а это ведь много значит: известно, что труднее всего угодить этим особам.

Да, соловей имел положительный успех. Его оставили при дворе, отвели ему особую клетку, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и приставили к нему двенадцать лакеев; каждый держал его

И соловей запел...

за привязанную к его ножке шелковую ленточку. Не-велико было удовольствие от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и, если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: «соло», а другой подхватывал: «вей!», после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имена в честь соловья, но ни у одного из них не было и признака голоса.

Раз императору доставили большой пакет с надписью: «Соловей».

— Ну, вот еще новая книга о нашей знаменитой птице! — сказал император.

Но то была не книга, а затейливая штучка: в ящичке лежал искусственный соловей, похожий на настоящего, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из мелодий настоящего соловья и поводить хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: «Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьем императора китайского».

— Какая прелесть! — сказали все, и явившегося с птицей посланца императора японского сейчас же утвердили в звании «чрезвычайного императорского поставщика соловьев».

— Теперь пусть-ка споют вместе, вот будет дуэт!

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел по-своему, а искусственный — как заведенная шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как настоящий, но был куда красивее, весь так и сверкал, как браслеты и брошки.

Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Окружающие охотно послушали бы его еще раз, да император нашел, что надо заставить спеть и настоящего соловья. Но куда ж он девался?

Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и унесся в свой зеленый лес.

— Что же это, однако, такое! — сказал император, а придворные назвали соловья неблагодарною тварью.

— Лучшая птица у нас все-таки осталась! — сказали они, и искусственному соловью пришлось петь то же самое в тридцать четвертый раз.

Никто, однако, не успел еще выучить мелодию наизусть, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птицу и уверял, что она даже лучше настоящей.

— Что касается настоящего соловья, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споет он. У искусственного же все известно наперед! Можно даже отдать себе полный отчет в его искусстве, можно разобрать его и показать все его внутреннее устройство, расположение и действие валиков — все, все!

— Я как раз того же мнения! — сказал каждый из присутствующих, и капельмейстер получил разрешение показать птицу в следующее же воскресенье народу.

— Надо и народу послушать ее! — сказал император.

Народ послушал и был очень доволен, как будто опьянел от чая. От восторга все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, слышавшие настоящего соловья, говорили:

— Недурно и даже похоже, но все-таки не то! Чего-то недостает в его пении, а чего — мы и сами не знаем...

Настоящего соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственная птица заняла место на шелковой подушке возле императорской постели. Кругом нее были разложены все пожалованные ей драгоценности. Величали ее теперь «императорского ночного столика первым певцом с левой стороны»: император считал более важною именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у императора.

Капельмейстер написал об искусственном соловье двадцать пять томов книг; они были ученые и такие

толстые, были так полны самых мудреных китайских слов, что все придворные говорили, будто читали и понимали все, иначе их сочли бы за дураков и отколотили бы палками по животу.

Прошел целый год. Император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья. Потому-то пение его им так и нравилось: они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!» Сам император напевал то же самое. Это было в самом деле очаровательно.

Но раз вечером искусственная птица только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри нее зашипело, зажужжало, колеса завертелись, что-то лопнуло, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за своим лейб-медиком. Но что же мог тот поделать? Призвали часовщика, и тот после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птицу, но сказал, что с ней надо обходиться крайне бережно: зубчики поистерлись, а поставить новые так, чтобы музыка шла попрежнему, нельзя было. Вот так горе! Только раз в год позволили заводить птицу. Капельмейстер произнес хоть и краткую, зато полную мудреных слов речь, в которой доказывал, что птица ничуть не сделалась хуже... Значит, так оно и было.

Прошло еще пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он был, как говорили, при смерти. Провозгласили уже нового императора, но народ толпился на улице и спрашивал первого приближенного императора о здоровье своего старого повелителя.

— Пф! — отвечал приближенный и покачивал головой.

Белый, похолодевший лежал император на своем великолепном ложе; все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Лакеи выбегали поговорить о новостях, а горничные проводили время в болтовне за чашкой кофе.

По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мертвая тишина.

Но император еще не умер, хотя и лежал на своем великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями, неподвижный и бледный. В раскрытое окно под потолком светил месяц на императора и на искусственного соловья.

Бедный император почти не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. Он открыл глаза и увидел, что на груди у него сидит смерть. Она надела на себя корону императора, взяла в одну руку его золотую саблю, а в другую — богатое знамя. Кругом из складок бархатного балдахина выглядывали какие-то странные головы: одни кроткие и ласковые, другие отвратительные. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него, в то время как смерть сидела у него на груди.

— Помнишь это? — шептали головы одна за другой. — Помнишь это? — и рассказывали ему так много, что на лбу у него выступал холодный пот.

— Я и не знал об этом! — говорил император. — Музыку сюда, музыку! Большой китайский барабан! Я не хочу слышать их речей!

Но они всё продолжали, а смерть, как китаец, кивала на их речи головой.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, милая, славная золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю... Пой же, пой!

Но птица молчала — некому было завести ее, а иначе она петь не могла. Смерть продолжала смотреть на императора своими большими пустыми глазами впадинами. В комнате было страшно тихо.

Вдруг под окном раздалось чудное пение. Маленький живой соловей сидел на ветке за окном и пел. Он узнал о болезни императора и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел; призраки все бледнели, кровь обращалась все живее и живее в ослабевшем теле

императора; сама смерть заслушалась соловья и все повторяла:

— Пой, пой еще, соловушка!

— А ты отдай мне за это драгоценную саблю, и пышное знамя, и корону!

И смерть отдавала одну драгоценность за другою, а соловей продолжал петь. Вот он запел о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и свежая трава орошается слезами живых, оплакивающих умерших... Смерть вдруг охватила такая тоска по своем саде, что она свилась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я узнал тебя! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала самую смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже вознаградил меня раз навсегда! — сказал соловей. — Я видел слезы на твоих глазах в первый же раз, как пел перед тобою, — этого я не забуду никогда! Слезы — вот драгоценнейшая награда для сердца певца!.. Но засни теперь и просыпайся здоровым и бодрым! А я буду петь для тебя.

И он запел опять, а император заснул сладким, благодатным сном.

Когда он проснулся, в окна уже светило солнце. Никто из его слуг еще не заглядывал к нему — все думали, что он умер; один соловей все еще пел за окном.

— Ты должен остаться у меня навсегда! — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью на тысячу кусков.

— Не делай этого, — сказал соловей. — Она сделала столько добра, сколько могла. Пусть она остается у тебя попрежнему. Я же не могу жить во дворце. Позволь мне только прилетать к тебе, когда захочу. Тогда я каждый вечер буду садиться у твоего окна и петь тебе. Моя песня и порадует тебя и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре

И смерть отдавала одну драгоценность за другою, а соловей продолжал петь.

и о зле, что скрывают от тебя. Маленькая певчая птичка летает повсюду, залетает и к бедному рыбаку и к крестьянину, которые живут вдали от тебя. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне одно...

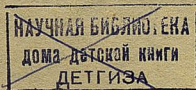
— Все! — сказал император и встал во всем своем царственном величии: он успел надеть на себя свое царское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

— Об одном прошу я тебя: не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем. Так будет лучше.

И соловей улетел.

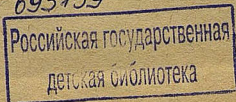
Слуги вошли поглядеть на мертвого императора и застыли на пороге, а император сказал им:

— С добрым утром!

92483

693159

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

32493

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

120=

Цена 40 коп.